

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

КОНЦЕПТ «ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX И XX ВЕКОВ

Юлия Александровна Демкина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград,
Россия

yuliyademkina@mail.ru

Аннотация. Исследование анализирует концепт «испорченность» в англоязычной литературе второй половины XIX и XX веков, выявляя изменения в его значении и ассоциативных компонентах, отражающих трансформацию нравственных ориентиров от религиозных к светским. Описывается структура концепта, включающая ядерную, околядерную и периферийную зоны, каждая из которых содержательно характеризуется определенным набором смысловых признаков и конкретизаторов, обусловленных экстралингвистическими и лингвистическими факторами рассматриваемых исторических периодов (вторая половина XIX и XX веков).

Ключевые слова: концепт, испорченность, акциональные проявления, ассоциации, метафора

Для цитирования: Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в англоязычной литературе второй половины XIX и XX веков // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 60-73. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

Original article

THE CONCEPT “DEPRAVITY” IN ENGLISH LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX AND XX CENTURIES

Julia A. Demkina

Volgograd state social and pedagogical university, Volgograd, Russia

yuliyademkina@mail.ru

Abstract. The study analyzes the concept of "depravity" in English literature of the late 19th and 20th centuries, revealing changes in its meaning and associative components, reflecting the transformation of moral values from religious to secular. The structure of the concept is described, including the nuclear, perinuclear and peripheral zones, each of which is substantively characterized by a certain set of semantic features and concretizers, determined by extralinguistic and linguistic factors of the historical periods under consideration (the second half of the 19th and 20th centuries).

Keywords: concept, depravity, action manifestations, associations, metaphor

For citation: Demkina J.A. The concept “depravity” in english literature of the second half of the XIX and XX centuries, Linguistics & education, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 60-73. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

Введение

Изучение ценностных основ общества в их исторической изменчивости становится всё более актуальным в современном обществе, о чем свидетельствует появление таких исследовательских проектов как «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey) и Европейского исследования ценностей (European Values Study). Однако изучение ценностей не представляется нам возможным без исследования их противоположностей, как средства актуализации этих ценностей в сознании носителей лингвокультуры. Кроме того, мы считаем, что возможность объединения ценностных ориентиров общества в некий единый нравственный «идеал» означает также возможность объединения отклонений от ценностных ориентиров в некоторый «антиидеал». Таким «антиидеалом» мы считаем концепт «испорченность» или «depravity». Отметим, что как русско-, так и англоязычный номинант, обусловлены восприятием испорченности как отклонения от ценностных ориентиров.

Степень разработанности научной проблемы

Проблема концептуализации сознания является одной из ключевых тем, изучаемых отечественными и зарубежными учеными социогуманитарного профиля. В аспекте соотношения индивидуального, общественного и языкового сознания данная проблема освещалась в трудах Ю.Д. Апресяна [1], А.П. Бабушкина [2], В. фон Гумбольдта [3], Э. Дюркгейма [4], Н. Хомского [5], и др. При исследовании концептов как элементов картины мира эта проблема изучалась в работах С.А. Аскольдова [6], Е.С. Кубряковой [7], Ю.С. Степанова [8] и др. Отдельную категорию составляют изыскания по структуре концептов в работах таких лингвистов, как С.Г. Воркачев [9], В.И. Карасик [10], В.В. Красных [11], З.Д. Попова [12], И.А. Стернин [13] и др.

Проблема испорченности как аморальности или девиации разрабатывалась в ряде гуманитарных дисциплин, например, в философии, этике, богословии, психологии, следует отметить, однако, что

испорченность, согласно нашим данным, еще не была объектом лингвистического описания и как концепт рассматривается в нашей работе впервые.

Данное исследование выполнено на стыке когнитивной лингвистики и текстолингвистики, и посвящено рассмотрению концепта «испорченность» как аксиологического концепта.

Выполненная работа базируется на нижеследующих ключевых положениях.

1. Общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у его носителей. Индивидуальное сознание является совокупностью личного опыта индивида и идей общественного сознания, преломленных через свой опыт [14].

2. Концепт как квант знания является средством репрезентации сознания и может послужить средством его исследования [9].

3. Индивидуальное сознание включает в себя индивидуально авторскую картину мира (следовательно, и часть национальной картины мира), находит свое выражение в языковом тезаурусе автора и вербальных выражениях состояния его сознания, т.е. в языковом сознании. Языковое сознание автора может быть обнаружено в продуцируемых им текстах, т.е. в идиолекте [13; 14; 15; 16; 17].

Цель нашей работы – выявление и описание динамических изменений лингвокультурного концепта «испорченность», отраженного в произведениях англоязычных писателей двух различных периодов – второй половины XIX и второй половины XX веков.

Материал исследования составляют классические произведения англоязычной литературы второй половины XIX и XX веков (124 произведения).

Источниками практического материала послужили:

1) произведения детской литературы по причине их роли в социализации индивида и усвоении им ценностных основ общества;

2) произведения, тематика которых связана с представлениями о нравственности и морали;

3) драматические произведения по причине актуализации в них аксиологической оценки поведения человека.

В качестве основных **методов исследования** использовались:

1) метод анализа словарных дефиниций для определения национально-культурного содержания концепта «испорченность»;

2) метод контекстуального анализа для изучения авторских интерпретаций национально-культурного содержания концепта «испорченность»;

3) описательный метод для раскрытия содержания концепта «испорченность» в исследуемые периоды;

4) метод моделирования для визуализации структуры концепта «испорченность»;

5) сравнительный метод для анализа динамики смысловых изменений концепта «испорченность» в исследуемом временном диапазоне.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в расширение научных знаний о концептуальном поле в целом, а также научным обоснованием англоязычного литературного творчества второй половины XIX и XX веков как отражения национальной и индивидуально-авторской картин мира и ценностных основ англоязычной лингвокультуры.

Практическая ценность исследования обуславливается возможностью использования его результатов для комплексного анализа национальной картины мира носителей английского языка, для исследования развития и временного изменения концептуального поля англоязычной лингвокультуры, для стилистического и

литературоведческого анализа творчества отдельных авторов, чьи произведения послужили источниками исследования, а также в качестве материала для аксиологических исследований в антропологии, политологии, социологии и психологии.

Основная часть

На первом этапе исследования на основе анализа данных словарей синонимов нами было построено номинативное поле концепта «испорченность» для второй половины XIX века [15, 16] и для второй половины XX века [17, 18].

На основе дефиниционного анализа мы сопоставили семный состав лексем, входящих в номинативное поле концепта, и выявили изменения в значении некоторых конкретизаторов [19; 20; 21; 22]. Так, конкретизатор «depravity» («опыт») за вековой период между данными срезами теряет значение «препятствие для добродетели», а конкретизатор «sin» («грех») наоборот приобретает значение «нарушение законов морали» в качестве добавочного к значению «нарушение религиозных законов», характерному для лексемы в конце XIX века. Объяснением для подобной динамики может служить постепенно повышающийся уровень секуляризации общества, потеря религией своей главенствующей роли в определении границ нормативного поведения, а также усиление тенденции к активной жизненной позиции.

Церкви, на протяжении долгого периода определявшей норму поведения и его идеал, а также очерчивавшей границы морали, потребовался «преемник», призванный выполнять данные функции. Одним из таких «преемников» стало светское законодательство, что видно на примере конкретизатора «vice» («порок»), который приобрел дополнительную сему «преступление», а не просто «неподобающее сексуальное поведение». Другим примером передачи регулятивной функции церкви законодательству является семный состав конкретизатора «corruption» («порча»). Если в XIX веке отрицательная аксиологическая

оценка такого поведения была связана с общественным порицанием, то в XX веке появился элемент «нелегальности». Кроме того, возник также компонент «власти» или «должности», т.е. значение слова трансформировалось из злоупотребления финансовым состоянием в злоупотребление должностными полномочиями или подкуп с целью такого злоупотребления.

Другим регулятором общественной нормы выступает также само общество, что видно на примере приобретения семным конкретизатором «sin» («грех») компонента «несоответствие принятым в обществе стандартам и нормам морали» в дополнение к «нарушению религиозных законов».

По причине авторитарности церковных практик переход к светскости задал некоторую большую свободу выбора и, как следствие, градацию испорченного поведения. Примером таких изменений может послужить приобретение конкретизатором «wickedness» («злодейство») дополнительного значения «привлекательность при некоторой неправильности», а конкретизатором «vice» («порок») – значения «плохая привычка». Появление данных дополнительных значений приводит нас к выводу о том, что не всякое проявление испорченности равно другому ее проявлению. Какое-то испорченное поведение в некоторой степени допускается обществом на правах привычки, хотя и не поощряется, а какое-то – может быть притягательным именно по причине своей запретности.

Нами также был проведен анализ ассоциаций лексем, входящих в состав номинативного поля концепта [22]. На ассоциативно-образном уровне концепта «испорченность» было выявлено наличие пяти основных групп ассоциаций: религиозные, нравственные, санкционные, криминальные, образные. Первые две группы включают в себя ассоциации-ценности, которые являются нравственной основой общества. Санкционная группа описывает регулятивные мероприятия, применяемые

обществом к нарушителям нравственных законов, а криминальная группа включает в себя разновидности их нарушений. Особый интерес представляет группа образных ассоциаций, в которую входят следующие ассоциации: «monster» («монстр»), «trap» («ловушка»), «snare» («западня»), «witchcraft» («колдовство»). Первые три ассоциации воплощают представление религиозного общества об испорченности как о чем-то опасном и скрытом. Ассоциация «witchcraft» («колдовство») в свою очередь отражает отношение к исконным верованиям и практикам, которые вытеснялись официальной церковью.

В англоязычной литературе второй половины XX века к перечисленным выше группам добавляется группа ассоциаций, связанных с половой жизнью («to pervert» («развращать»), «to seduce» («соблазнять»), «filth» («грязь»), «erotic» («эротичный»)), что объясняется необходимостью общественного регулирования данного вида отношений во второй половине XX века в отличие от религиозного регулирования, существовавшего во второй половине XIX века.

На основе анализа художественной литературы нами было установлено расширение спектра акциональных проявлений концепта «испорченность», обусловленное распределением регулятивной функции между светским законодательством и общественным мнением, а также связанное с выделением детей как отдельной группы акторов. В XIX веке акциональные проявления концепта ограничивались такими проявлениями, как сплетни, интриги, клевета, мелкий обман, ложь, измена, предательство, убийство и самоубийство. Акциональная составляющая концепта «испорченность» во второй половине XX века в свою очередь включает в себя три группы проявлений испорченности: преступления, аморальные поступки и капризы. К преступлениям относятся действия, связанные с нарушением законодательства, такие, как кража, убийство, взяточничество и т.д. Группу аморальных поступков составляют действия, осуждаемые общественностью, но не наказуемые на законодательном

уровне, например, ложь, лицемерие, измена. Группа капризов отличается типом акторов. Если первые две группы составляют поступки, как правило, взрослых людей, то группа действий-капризов реализуется исключительно актерами-детьми (манипуляции, истерики). Например, в повести Роальда Даля «Чарли и Шоколадная Фабрика» [23, с. 14] Верука Солт, девочка, требующая исполнять любой её каприз моментально, постоянно прибегает к повторению и анафоре:

Where's my Golden Ticket! I want my Golden Ticket! [23, с. 14]

Где мой Золотой Билет! Я хочу свой Золотой Билет!

I want an Oompa-Loompa! I want you to get me an Oompa-Loompa! I want an Oompa-Loompa right away! I want to take it home with me! Go on, Daddy! Get me an Oompa-Loompa! [23, с. 14]

Я хочу Умна-Лумпу! Я хочу, чтобы ты подарил мне Умна-Лумпу! Я хочу Умна-Лумпу прямо сейчас! Я хочу взять его с собой домой! Давай, папочка! Дари мне Умна-Лумпу!

Кроме того, для усиления эффекта своих требований она манипулирует родителями через истерики, крик, лежание на полу:

And she would lie for hours on the floor, kicking and yelling in the most disturbing way [23, с. 14].

И она часами лежала на полу, пиналась и кричала самым ужасным образом.

И лишь когда её требование удовлетворяется, она снова становится «хорошей девочкой», улыбается и дает своим родителям ощущение счастливой семьи:

... and now she's all smiles, and we have a happy home once again [23, с. 14].

...и теперь она вся улыбается, и у нас снова счастливая семья...

В англоязычной литературе исследуемых периодов концепт «испорченность» реализуется через ряд метафор, трансформация которых отражает изменение отношения к испорченности в англоязычной

лингвокультуре. Метафора *пути* за вековой период трансформируется из *пути* неизбежного, конечного и отождествляемого с взрослением, в *путь*, предполагающий возможность искупления совершенных проступков и возвращения на первоначальный этап. В XIX веке данная метафора реализуется, например, в произведении Генри Джемса «The Awkward Age» («Неудобный Возраст»), в котором метафора *пути* принимает форму лестницы, разделяющей верхний, «детский» этаж и нижний «взрослый» этаж [24, с. 45]. Во второй половине XX века метафора *пути* отразилась, например, в повести Роальда Даля «Чарли и Шоколадная Фабрика» как *путь* через шоколадную фабрику [23].

Метафора *скорлупы* также может быть найдена в произведениях обоих исследуемых периодов. Так, например, во второй половине XIX века данная метафора реализуется в романе Чарльза Диккенса «Большие Надежды»:

... but what is his sleight of hand to mine, when I fold up my own nutshells and pass them on myself as notes! [25, с. 240].

... но что его ловкость рук по сравнению с моей, когда я сам складываю свои ореховые скорлупки и передаю их себе под видом банкнот!

Самообман как конкретизатор концепта «испорченности» в данной сцене воплощается в сложной трехчастной метафоре. Во-первых, само действие героя описывается как мошенничество, «ловкость рук». Главный герой Пип предстает мошенником, причем мошенником мелким, уличным, т.к. ловкость рук является отличительной особенностью мелких воришек, балаганных шутов, ярмарочных мошенников. Однако данный образ подкрепляется через расширение метафоры. «Notes» – «деньги» в данной метафоре олицетворяют правду, при этом употребление множественного числа указывает на множественность истинно существующих фактов, которые мошенник (Пип, как мы понимаем из повествования) скрывает. «Nutshells» – «ореховые скорлупки», являясь третьей частью метафоры, делают ее целостной и законченной. С одной стороны, данный образ

скорлупы предполагает отсутствие полезного содержания, т.е. в контексте повествования, отсутствие истинности. С другой стороны, будучи противопоставленными банкнотам, скорлупки олицетворяют несбывшуюся надежду, обман ожиданий. И в очередной раз множественное число употребления намекает на многочисленность этих мелких обманов. Целостность образа мелкого мошенника, ловко и неоднократно разменивающего истину на обман, позволяет читателю увидеть постепенно усиливающуюся степень испорченности Пипа. Он уже выглядит не невинным ребенком, но матерым обманщиком, хотя и действующим под давлением обстоятельств.

Во второй половине XX века метафора скорлупы может быть найдена, например, в повести Роальда Даль «Чарли и Шоколадная Фабрика»:

'My goodness, she is a bad nut after all,' said Mr. Wonka. 'Her head must have sounded quite hollow' [23, с. 15].

«Боже мой, она все-таки гнилой орех», – сказал мистер Вонка. «Ее голова, должно быть, звучала совершенно пустой».

В первом предложении шоколатье использует фразу «a bad nut» («плохой орех»), что в контексте истории имеет прямое значение, т.к. героиня Верука Солт попадает в неприятности, вбежав в комнату с белками, которые отделяли хорошие орехи от плохих и отправляли последние в мусоропровод. Именно так поступили зверьки и с самой девочкой, очевидно, приняв ее за гнилой орех. Однако у этого словосочетания есть и вторая сторона. Фраза «a bad nut» представляет собой искаженную идиому «a bad apple», означающую «плохой, испорченный человек среди хороших». Таким образом, через замену одного элемента идиомы автор дает характеристику девочке, одновременно ссылаясь на универсальное представление об испорченности (идиому) и на контекст конкретной ситуации.

Во втором предложении Роальд Даль снова использует сочетания прямого и переносного значения для объективации концепта «испорченность». Прямое значение лексемы «hollow» («пустой») относится к способу проверки белками орехов: они постукивали по ореху и по звуку определяли его годность. Очевидно, что, если животные сочли девочку «плохим орехом», ее голова при постукивании издавала звук именно такого ореха, т.е. пустой. В переносном же значении слово «hollow» («пустой»), применяемое к описанию головы, обозначает глупого, «пустоголового» человека.

Таким образом, за вековой период метафора скорлупы как воплощение отсутствия полезного содержания уточняется во второй половине XX века путем более конкретного обозначения отсутствующего содержания. Данный факт отражает актуализацию таких ценностей, как ум, сострадание, умение испытывать положительные эмоции.

Также стоит обратить внимание на репрезентацию испорченности через метафору призраков в произведении Генри Джеймса «Поворот Винта» [26]. С одной стороны, призраки слуги и бывшей гувернантки представляют собой некий след реальных людей, которые имели влияние на детей. С другой стороны, они видны исключительно самим детям, в то время как посторонним людям кажется, что дети общаются сами с собой. С помощью данной метафоры автор демонстрирует заразность испорченности, т.е. ее способность проникать в человека, оставлять в нем след и прогрессировать даже без контакта с изначальным источником. Именно так происходит процесс заражения испорченностью маленьких героев повести.

Заключение

Концепт «испорченность» во второй половине XX века в отличие от второй половины XIX века реализует представление о нравственном идеале не как о «праведном человеке», а как о «порядочном человеке», что

отражает удаление ценностных оснований общества от религиозного мировоззрения в пользу идей гуманизма и равноправия.

Перспективы исследования заключаются в возможности использования его результатов в анализе трансформации ценностных основ англоязычной лингвокультуры, а также в исследовании других периодов социально-исторического развития данной лингвокультуры и сопоставительном анализе нравственных ориентиров носителей английского языка с представителями других лингвокультур.

© Дёмкина Ю.А., 2025

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Установка на реконструкцию языковой картины мира // Языковая картина мира и системная лексикография: коллектив. моногр. М.: Языки славянских культур. – 2006. – С. 33-36.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ. – 1996. – 103 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс. –1985. – 402 с.
4. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия (в переводе Юдина Г.А.) М.: Социологическое обозрение, 2013. – №12(2). – С. 133-144.
5. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 345 p.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia. – 1997. – 102 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: 2004. – №1. – С. 25-27.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект. – 2001. – 304 с.
9. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Букинист. – 2004. – 236 с.
10. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. – 1996. – С. 3-16.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис. – 2002. – 284 с.
12. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ. – 2002. – С. 8-50.
13. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки. – 2013. – 34 с.
14. Weisgerber Leo. Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln. Düsseldorf. GRIN Verlag. – 1930. – С. 46-81.
15. Davidson, William L. Leading and important English words: explained and exemplified: an aid to teaching / William L. Davidson. - Longmans, Green, & CO., 1896. – 255 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004433341?page=1&rotate=0&theme=black> (Дата обращения 22.11.2024)

16. English thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com/> (Дата обращения: 22.11.2024)
17. Collins dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (Дата обращения: 22.11.2024)
18. Latham R.G. A dictionary of the English language: Vol. 1. Part 1. – Longmans, Green, & CO., 1872. – 568 p.
19. Ogilvie J. The imperial dictionary of the English language: Vol. 1. A – Depascent: a complete encyclopedic lexicon, literary, scientific, and technological: illustrated by above 300 engravings printed in the text / J. Ogilvie. – Blackie & Son, 1883. – 703 p.
20. Oxford Lerner's Dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Дата обращения: 22.11.2024)
21. Cambridge dictionary online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 22.11.2024)
22. Word associations dictionary online. URL: <https://wordassociations.net/en> (Дата обращения: 22.11.2024)
23. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Penguin Books Ltd, 2022. – 336 p.
24. James H. The Awkward Age. – Everyman's library, 1993. – 394 p.
25. Диккенс Ч. Большие надежды: роман на англ. яз/ Чарльз Диккенс. – М.: Т8, 2016. – 547 с.
26. James H. The Turn of the Screw. – London: Penguin Books Ltd, 1994. – 120 p.

References

1. Apresyan Yu.D. Ustanovka na rekonstruktsiyu yazykovoy kartiny mira [The focus on reconstructing the linguistic picture of the world] // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya: kollektiv. monogr. [The linguistic picture of the world and systemic lexicography: collective. monography] M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2006. – Pp. 33-36.
2. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language.] Voronezh: Izd-vo VGU. 1996. – 103 p.
3. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury. [Language and philosophy of culture.] M.: Progress. 1985. – 402 p.
4. Dyurkgeym E. Dualizm chelovecheskoy prirody i ego sotsial'nye usloviya (v perevode Yudina G.A.) [Dualism of human nature and its social conditions (translated by Yudin G.A.)] M.: Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review], 2013. – №12(2). – Pp. 133-144.
5. Chomsky N. [New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press. –2000. – 345 p.
6. Askoldov S.A. Kontsept i slovo. [Concept and word] // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Ed. V.P. Neroznak. Moscow: Academia. – 1997. – 102 p.
7. Kubryakova E.S. Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in knowing the world.] Moscow: 2004. – №1. – Pp. 25-27.
8. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. [Constants: Dictionary of Russian Culture.] Moscow: Academic Project. – 2001. – 304 p.
9. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. [Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Bukinist. – 2004. – 236 p.
10. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke [Cultural dominants in language.] //Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. [Language personality: cultural concepts.] Volgograd-Arkhangelsk. – 1996. – Pp. 3-16.

11. Krasnykh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.] Moscow: Gnosis. – 2002. – 284 p.
12. Popova Z.D. Jazyk i soznanie: teoreticheskie razgranichenija i ponjatijnyj apparat [Language and consciousness: theoretical distinctions and conceptual apparatus] // Jazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii. [Language and national consciousness. Questions of theory and methodology.] Voronezh: VSU. – 2002. – Pp. 8-50.
13. Sternin I.A. Metody issledovanija semantiki slova. [Methods of studying the semantics of a word.] Yaroslavl: Istoki. – 2013. – 34 p.
14. Weisgerber Leo. The meaning of words, words and phrases. Düsseldorf. GRIN Verlag. – 1930. – Pp. 46-81.
15. Davidson, William L. Leading and important English words: explained and exemplified: an aid to teaching / William L. Davidson. – Longmans, Green, & CO., 1896. – 255 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004433341?page=1&rotate=0&theme=black> (Accessed on 22.11.2024)
16. English thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com/> (Accessed on 22.11.2024)
17. Collins dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (Accessed on 22.11.2024)
18. Latham R.G. A dictionary of the English language: Vol. 1. Part 1. – Longmans, Green, & CO., 1872. – 568 p.
19. Ogilvie J. The imperial dictionary of the English language: Vol. 1. A – Depascent: a complete encyclopedic lexicon, literary, scientific, and technological: illustrated by above 300 engravings printed in the text / J. Ogilvie. – Blackie & Son, 1883. – 703 p.
20. Oxford Lerner's Dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Date of access: 11/22/2024)
21. Cambridge dictionary online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 11/22/2024)
22. Word associations dictionary online. URL: <https://wordassociations.net/en> (Access date: 11/22/2024)
23. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Penguin Books Ltd, 2022. – 336 p.
24. James H. The Awkward Age. – Everyman's library, 1993. – 394 p.
25. Dickens C. Bol'shie nadezhdy [Great Expectations: a novel in English] / Charles Dickens. – M.: 2016. – Т 8. – 547 p.
26. James H. The Turn of the Screw. – London: Penguin Books Ltd, 1994. – 120 p.

Демкина

Юлия Александровна

Demkina

Yulia Aleksandrovna

ассистент кафедры английской филологии Института иностранных языков, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
yuliyademkina@mail.ru

assistant, department of English philology, institute of foreign languages, Volgograd state social and pedagogical university, Volgograd, Russia
yuliyademkina@mail.ru